

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

от

Москва

Газета №

## Дру и с к у с с т в а

В рабочем кабинете Кирова, на его письменном столе, рядом с томами книг классиков марксизма-ленинизма, пачками материалов по самым различным вопросам партийного, советского, культурного строительства, промышленности, сельского хозяйства, близ раскрытого тома «Всемирной истории» так и осталась лежать книга Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» со вложенным в нее помером «Ленинградской правды» от 24 ноября 1934 года. В последние дни своей жизни, в немногие минуты отдыха, Киров, возвращаясь ночью домой, не раз брал эту книгу, читая вслух особенно любившиеся ему строки.

— Вы послушайте только! Это же музыка! — обращался он к окружающим, прерывая чтение.

Газетный лист остался между страницами, хранящими строфы, полные глубокого, патетического смысла.

Это строфы о великом назначении поэта, обязанного знать «пронзенье, сердце жгущие, острые слова», напоминание о том, что

«...Забавных песен в пирный час  
напев чудесен.

Круг сомкнется, весел, тесен. Эти  
песни тешат нас,  
Верно спетые при этом. Но лишь  
тот отмечен светом.

Назовется тот поэтом, долгий кто  
пропел рассказ...».

Мудрые, напевные слова, которые так увлеченно перечитывал Киров, как бы перекликались с мыслью, пронизывающей все его высказывания о культуре, искусстве, революционном творчестве.

18 лет назад на первом съезде Советов Союза ССР Киров, приветствуя от имени трудящихся Азербайджана образование Союза, предлагал воздвигнуть «в столице Союза, на самой красивой

и лучшей площади» живой памятник — памятник-дворец, Дворец Советов, при виде которого весь мировой пролетариат почувствовал бы, что «...мы пришли всерьез, навсегда, что идеи Советской власти, идеи коммунизма проникли так же глубоко, как сверла бакинских рабочих вонзаются в землю».

«...Нас характеризуют тем, что мы с быстротою молнии стираем с лица земли дворцы банкиров, помещиков и парей. Это верно. Воздвигнем же на месте их новый дворец рабочих и трудящихся крестьян, соберем все, чем богаты советские страны, вложим все наше рабоче-крестьянское творчество в этот памятник и покажем нашим друзьям и недругам, что мы, «полузнатки», мы, на которых до сих пор продолжают смотреть сверху вниз, способны украшать грешную землю такими памятниками, которые нашим врагам и не снилось».

Искусства «долгих дел», глубокой мысли, подлинной страсти, вдохновенной красоты и радости ждал Киров от советских инженеров человеческих душ... Недаром так настойчиво повторял он:

— На площади, на улице, на заводе, дома — рабочего всюду должна окружать красота!..

Искусство должно быть ярким, жизнеутверждающим, радостным...

Пламенный большевик, великий гражданин, Киров любил искусство, музыку слова и музыку мысли, поэзию жизни, борьбы и природы отзывчиво и горячо. Белинский, Добролюбов, Лермонтов, Пушкин, Толстой, Горький, — их имена были близки ему с юности, к сокровищнице русской классической литературы он обращался со всем жаром молодости до последних лет жизни. Не было, пожалуй, сколько-нибудь значительной книги советского писателя, с

которой Киров не знакомился вскоре же по появлении ее в печати, — а сколько книг было прочитано в рукописи, сколько замыслов было согрето жаром кировской мысли!..

Киров читает «Поднятую целину», первую книгу «Брусков» и на ближайших заседаниях, при личных встречах с товарищами настойчиво рекомендует эти книги:

— Они помогут вам лучше узнать деревню...

«...Возьмите такую область, как литература, — говорил Сергей Миронович в 1927 году на собрании пропагандистов. — За какой-нибудь очень небольшой промежуток времени, четыре-пять лет тому назад, краешком уха о ней слышали, кое-когда, между прочим, этим занимались, а сейчас нет, сейчас это уже непременное и очень заметное звено всей нашей общей жизни, и было бы конечно странно, если бы член нашей партии проходил мимо этого дела так, спусти рукава. Литература уже является заметной, солидной частью нашей теперешней жизни, теперь она приобретает совершенно определенное влияние на огромные слои трудящихся нашей страны. Мимо этой области может ли пройти сознательный, отдающий себе отчет в работе коммунист? Конечно, нет. Самым внимательным образом он должен во всем этом разбираться».

Киров смотрит «Чапаева», смотрит с огромным увлечением — четыре раза за несколько дней, — и на ближайшем заседании бюро горкома, посвященном вопросам развития Ленинградской киностудии, подробно говорит об огромном значении этой картины, приносящей «и пользу, и наслаждение», открывающей новые перспективы перед искусством, утверждающей образ нового героя.

Победы ленинградских мастеров

искусств неотделимы от имени Кирова, чуткого читателя и зрителя, мудрого и пламенного руководителя и организатора. Советская современная тема, образ героя нашего времени, дела и дни революционного строительства, его героика и пафос стали находить все более значительное отражение в творчестве писателей, в спектаклях ленинградских драматических театров (достаточно напомнить хотя бы о таких высоко ценившихся Сергеем Мироновичем образах, как Клара — Корчагина-Александровская или секретарь укома — Певцов), в картинах Ленинградской киностудии «Ленфильм», проделавшей под руководством Кирова победный путь от «Встречного» (первый фильм о пафосе социалистического труда!) к «Чапаеву», в новых произведениях художников, скульпторов, в расцвете художественной самостоятельности города Ленина.

В беседах с работниками искусств Киров неизменно говорил о необходимости искать новые жанры, смелее, инициативнее решать творческие задачи. Его увлекала мысль о развитии жанра научно-художественной книги, популяризирующей передовые научно-технические идеи, основанной на смелом научном предвидении. Беседуя о литературе для детей и юношества, Киров не раз говорил о желательности появления «советского Жюль Верна», «советского Поль де Крюи».

Со всей страстью он развивал мысль, что нет для писателя почетнее задачи, чем быть певцом и агитатором социалистической революции.

Бессмертный образ Кирова, прекрасный героический пример его жизни навсегда останется для советского художника пламенным призывом к созданию произведений, достойных эпохи Ленина — Сталина.

Сим. ДРЕЙДЕН.